

На доклад о строительств Палестины.

(Доклад д-ра Гофмана).

Первое впечатление от Палестины — необыкновенное разнообразие ее климата, ландшафта, и населения и необычайная сибирь, с которой ее жители строятся.

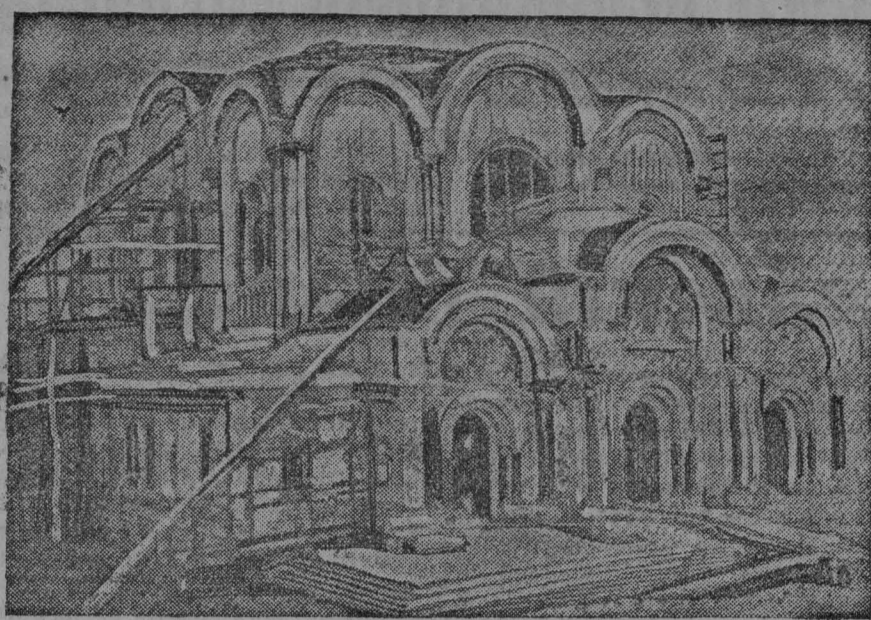
Кажется — был пожар, и это отстраиваются погорельцы.

В Палестине нет одного типа «нового еврея». Есть — один в старинных колониях, основанных бароном Ротшильдом, другой в колониях организованных 10 лет тому назад Керен-Каймесом, третий — в новейших колониях.

Ротшильдовские колонии напоминают еврейские городки в Галиции, южной России или Украины. Поражает в них только их необычайная чистота.

Улицы прямые, широкие, у каждого дома свой садик. За городом прекрасные табачные плантации. Но вы не увидите еврей-рабочего в поле. Еврей-хозяин не нанимает еврейских рабочих, так как они слишком дороги, и за колонией недалеко видна грязная деревушка, в которой живут работники-арабы. Ротшильдовские колонии совершенно не оставляют впечатления «новой страны». Жители говорят на жаргон, многие даже не знают иврит (древне-еврейского языка). Дети этих первых поселенцев не чувствуют себя связанными со страной и часто покидают ее. Нередко вы встретите в Египте такого еврея, родители которого живут в Палестине.

Впечатление от колоний, основанных 10—12 лет тому назад уже совершенно иное. Здесь живут совсем другие люди — загорелые, здоровые, говорящие на древне-еврейском языке. Они создают новую жизнь не только в еврейском, но и в общечеловеческом смысле слова. Хозяи-

Разборка варшавского православного собора на Саксонской площади.

ство представляет большую коммуну — «квучу». Отдельно живут девушки, отдельно мужчины, женатым людям отводится отдельная комната. Все много и тяжело работают.

Наемного труда нет. Женщины работают наравне с мужчинами. Вы увидите и за плугом и в каменоломне. Дети с раннего утра до вечера находятся в детских домах, где с ними работают специалисты-воспитательницы. И только с наступлением темноты, когда мать возвращается с работы, и они приходят домой.

Все в «квуче» общее: земля, скот, сельскохозяйственные орудия. Женщина не зависит от мужа. Если она выходит замуж, так только из любви, а не из необходимости «устраиваться». Многие из этих царь не находят нужным «идти в город к рабину». Они просто являются в комитет колонии, заявляют: «мы муж и жена», и им дают отдельную комнату. Новыми экономическими условиями создаются и новые формы брака.

Такие «квучи» иногда включают до нескольких сот человек. Большие «квучи» принимают и новых людей — эмигрантов. Они не только сельскохозяйственные колонии. У них свой трактор, своя динамо-машина, свое электрическое освещение, свои собственные прекрасные мастерские, обслуживающие окрестности. Члены их тесно связаны с городскими рабочими организациями. Когда нужны рабочие руки в город, колонисты уходят туда работать, когда не хватает рабочей силы в колониях, рабочие приходят к ним из города. Во главе «квучи» стоит комитет. Выбирают в него очень осторожно, зная, как много зависит от руководителей. Но условия жизни в «квуче» не являются результатом каких-либо теорий. Они диктуются экономической необходимостью.

Совершенно другой тип представляют собою новейшие колонии, начавшие создаваться года 3 тому назад. Члены их — люди уже 15—20 лет живущие в стране и хорошо знакомые с ее условиями. Большинство это бывшие члены «квучи». Они живут отдельными семьями и

за свой страх и риск ведут хозяйство. Семья в два человека покупает от «Керен-Каймес» в аренду на 10 лет 10 десятин. Члены такой колонии связаны друг с другом только общим кооперативом, который является посредником между ними и городом. Они ему передают свои продукты для продажи и у него покупают свой товар. Почти все новые колонии строятся по этому типу, так как жизнь показала, что они лучше развиваются. Явлениями последних лет являются своеобразные

хассидские колонии.

Члены этих колоний, польские евреи, бывшие маллера, кушны, мелкие ремесленники. Многим уже 40—50 лет. Они

оторвались от старой жизни

и в полном смысле слова начали новую. Они набожны, у них нет комитета, всем завидует себе; по утрам они молятся, а затем идут сушить белье, стоя по пояс в воде. Отношения между ними и другими колонистами прекрасны.

Городская жизнь Палестины почти вся сосредоточена в Тель-Авиве. Ежегодно появляются все новые и новые фабрики, в месяц строится около 300—400 новых домов.

Нет и помин о безработице. Раньше организации, завладевшие эмиграцией опасались наплыва эмигрантов в страну, боясь, чтобы не было безработицы. Но жизнь показала, что тем больше новых людей, тем лучше становится экономическое положение страны.

В стране

много нетронутых богатств.

Страна ждет предпринимателей, которые занялись бы добычей асфальта, и разработкой богатейших залежей поташа. Огромная будущность принадлежит и табачному делу. Палестина ждет людей, которые обработали бы ее и использовали ее богатства.

Англ. глицерин «Pyramid»

(29° BE X 30° BE)

Химически чистый и белый для всех промышленных надобностей.

Лучший в мире. Цены без конкуренции.

Joseph Crosfield & Sons, Ltd., Warrington, Англия.

Генер. представитель С. Г. ВУДЖЕДЪ, Рига, Большая Конная ул. № 21. Телефон 63-38.

Книга.

«Современные Записки». Общественно-политический и литературный журнал XXIV. Париж, 1925 год.

В новой книжке «Современных Записок» заканчивается прекрасная повесть И. А. Бунина «Мишина любовь» и роман В. К. Зайцева «Золотой узор» — широкая картина русской жизни в особенно жизни русской души за войну и революцию. Кроме того, напечатана посмертная трагедия И. Н. Андреева «Самсон в окопах» на библейской сюжет.

Каждая из этих трех вещей, подписанных именами больших наших писателей, есть литературное событие, и в библиографической заметке их можно только отметить.

Очень разнообразна и интересна и не бездистриктная часть книжки. П. П. Муратов дает очерк о «Повзды в Апулию» — новую главу для «Образов Италы», на радость многочисленным их поклонникам.

Памяти М. О. Гершензона посвящена статья В. Ф. Ходасевича, на нескольких страницах, в рассказе о встрече и разговоре с покойным, восстанавливающая живой образ замечательного писателя (он сам называл себя «ридиком» и терпеть не мог, чтобы его называли критиком) и замечательного человека. К статье приложены интересные письма Гершензона за последние годы. Памяти Гершензона посвящает Л. Шестов статью «Вечная вина» об отношении его к Библии.

О другом, тоже замечательном ушедшем человеке, кн. Г. Е. Львова рассказывает Т. И. Полнер — эпизод о сидении князя в екатеринбургской тюрьме при большевиках. Рассказ записан со слов кн. Львова и им просмотрен. В нем удивительно отразилась основная черта кн. Львова — вера в человеческую душу. «Во всех даже самых жестоких сердцах — писал он — живут человеческие чувства и совесть. Страсти могут затемнить на время эти чувства, но умейте подойти к ним и вера снова станет человеком».

Тюремный эпизод показывает, как умейте вызывать человеческое из под звериного кн. Львова.

Очерк О. О. Грузенберга «Бред войны» — воспоминания адвоката, связанного с делом полковника Мясоедова и братьев Фрейдбергов известен читателям «Сегодня».

В блестящей и безупрочной статье характеризует Б. Э. Нольде «Советскую дипломатию», ее официальные функции и подлинную реальность. А реальность состоит в том, что «за семь лет существования советское правительство идет от одного внешнего поражения к другому, легкомысленно и злостно растратив русское государственное состояние».

Обширное письмо Н. А. Бердяева «В защиту христианской свободы», ответ ему Ф. А. Степуна и статья М. М. Вишняка «Две свободы» обсуждают волнующие и раздвигают теперь зарубежную русскую мысль вопросы о смысле и пределах свободы.

Отметим еще статьи И. П. Демидова о патриархе Тихоне, В. И. Талана «Коммунизм на деревне» и разнообразные, как всегда отдели «Культура и жизнь» и критико-библиографический.

И. А. Л. Тейтель. Из моей жизни. Париж. Издательство Я. Поволоцкого. 1925 г. 241 стр.

Известный русско-еврейский общественный деятель

Яков Львович Тейтель выпустил первый том своих воспоминаний. Личность Я. Л. достаточно известна в еврейско-русских кругах. Уроженец юга (Я. Л. родился в 1851 году в Подольской губ.) он окончил гимназию в Блурской, университет в Москве и долгие годы, начиная с 1875 до 1912 года служил по судебному ведомству в Поволжье. Своей общественной и судебной работой он приобрел такую популярность, такое расположение к себе всех, кто с ним встречался, что даже в самое мрачное время реакции министерство юстиции не имело мужества уволить еврей-следователя. Были периоды, когда Я. Л. Тейтель был чуть ли не единственным евреем в судебном ведомстве в России.

На своем долгом жизненном пути Я. Л. Тейтель встречался с самыми различными представителями русского и еврейского общества. Он был близок со многими писателями, общественными деятелями, политиками, филантропами, и воспоминания Тейтеля имеют интерес не только автобиографический, но только рисуют личность этого исключительного по своей душевной чистоте человека, но и дают массу интересного

материала по истории русской общественности. Воспоминания содержат в себе много интересных подробностей о писателях, журналистах, судебных деятелях. Дом Я. Л. Тейтеля в Самаре, потом в Саратове был своего рода сборным пунктом местных и всероссийских знаменитостей. Книга воспоминаний написана без претензий, во всякой строчке видна гуманность, доброта, которая придает и опискам особую теплоту, интимность и объективность.

«Мои воспоминания», — пишет Я. Л. Тейтель, — не мемуары большого человека... Большими делами я не занимался. Вся жизнь я и жена оказывали людям мелкие услуги, приходило на помощь по мере сил обратившимся к нам в трудные минуты жизни».

Это, конечно, слишком скромная самооценка, но она очень характерна для того незлобивого отношения к людям и событиям, которое свойственно этой книге.

Воспоминания доведены до начала великой мировой войны. Я. Л. Тейтель имеет в виду во втором томе изложить события войны, революции, свои переживания во время гражданской войны и эмиграции. Остается пожелать только вместе с автором, чтобы судьба было угодно дать возможность почтенному деятелю закончить интересный рассказ о своей прекрасной деятельности, проникнутой любовью к людям, жизни.

Читайте в понедельник, 13 июля в

„СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ“

начинается печатанием перевод новейшего исторического романа русско-французского писателя Ж. Кесселя и Елены Извольской из последних дней русского самодержавия

Слабые Дари

Авторы имели возможность не только ознакомиться со всеми мемуарами этой интересной эпохи, но и получить ряд чрезвычайно ценных сведений от непосредственных участников трагических событий.

того времени. Многие подробности, воспроизведенные в романе, впервые появляются в печати.

В романе выведены Распутин, Пуришкевич, кн. Юсупов, Милюков, вел. кн. Николай Михайлович и другие. В центре — Распутин и царица Александра Федоровна.

Роман привлек к себе внимание литературных кругов и только политическая соображения побудили французскую академию отказаться от присуждения автору премии.

Литературная хроника.

В издании госиздата вышла антология пролетарской литературы под заглавием «Пролетарские писатели». Составитель этой антологии — Семен Родов, а редактировал ее сам профессор П. С. Коган. Книга заключается в себе 672 страницы и должна дать представление о развитии чисто «пролетарской» литературы. Советские рецензенты указывают, что сборник по преимуществу состоит из произведений наиболее правых пролетарских писателей. Даже Максим Горький включает. Зато представлены в больших количествах — Родов, Лелевич и другие «знаменитости».

Небезызвестный до революции поэт Дмитрий Цензор как то исчез из литературы. Теперь он вновь появился. В Петербургской «Красной газете» напечатано его стихотворение дурного большевицкого жанра. Вот его последние поэтические вблания о градушем человеке:

В больших очках и пестром кепи, Изобретатель и бунтарь, Он в Марсе, может быть, прищипит. Сигнализирующий фонарь. Или с Юпитера, примерно. Сюда по радио поплет Для мирового Коминтерна О революции отчет.

В только что вышедшей южской книжке советского журнала «Красная Новь» помещен рассказ Августа Явича «Григорий Пугачев». Рассказ очень характерный для художественных достижений правых большевицкой литературы. Действующее лицо праправнук Емельяна Пугачева Григорий занимает должность председателя губернской чека. Этот борец с контр-революцией встречается с потомком графа Панина, который усмирлял Пугачева и присутствовал при его казни 150 лет тому назад. Председатель губчека сразу чувствует, что Панин это проклятый потомок проклятого класса и с молчаливо пускает в него пулю из своего пистолета.

Дом, в котором Диккенс закончил «Пиквикский клуб» и написал своего «Оливера Твиста» и «Николая Никльби», превращен в музей. Сюда перенесены все диккенсовские реликвии, его большая библиотека в 2500 томов и картины. Стены музея украшены оригинальными рисунками знаменитых иллюстраторов его произведений.

Русские имажинисты снова напомнили о себе. В Москве выпущен сборник стихов Рюрика Ивнева, Анатолия Мариенгофа, Матвея Ройзмана и Вадима Шашенича. Ивнев соединяет все прелести имажинизма со всеми утонченностями антирелигиозных большевицких листов. Вот как напр., начинаются отряд красноармейцев беседует с отшельником.

Ты хитер или глуп? Не в силах Я с тобой разговор вести. Я тебе буду харкать в рыло, А ты меня будешь крестить! Вапа перков — гнойная яма Для мыслителя и врага И для всякого гражданина, Не выживаю из ума.

Драматург Алексей Толстой закончил историческую пьесу «Азеф», для которой использовал ряд неопубликованных еще документов.